

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-32-41

К ВОПРОСУ ОБ ЭНАНТИОМОРФИЗМЕ КАК СУЩНОСТНОМ КАЧЕСТВЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОППОЗИЦИЙ

Кириллина Н.В.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. Данная статья посвящена актуальной в современном языкознании теме, касающейся исследования зоны пересечения оппозиционно представленных концептов *добро – зло*, которые являются доминантами русской культуры. На материале лирики А.А. Ахматовой раскрывается содержание данной диффузной зоны, делаются попытки систематизации её свойств и характеристик. Зона пересечения рассматривается как некое единое целое, которое вербально актуализируется, прежде всего, в художественной среде, синтезируя культурно-исторические, философские, религиозные слои концепта.

Ключевые слова: оппозиция, концепт, добро, зло, энантиоморфизм, лирика А.А. Ахматовой.

ON THE QUESTION ABOUT ENANTIOMORPHISM AS ESSENTIAL QUALITY OF CONCEPTUAL OPPOSITIONS

N. Kirillina

*Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. This paper is devoted to the actual in modern linguistics topic related to the study of intersections area of oppositional presentation of the concepts “good and evil”, which are the dominants of the Russian culture. On the material of A. Akhmatova’s poems, the author reveals the contents of this diffuse zone, attempts to systematize its features and characteristics. The area of intersection is considered as a single entity, which is verbally actualized primarily in the artistic environment, synthesizing the cultural-historical, philosophical, and religious layers of the concept.

Keywords: opposition, concept, good, evil, enantiomorphism, works of A. Akhmatova.

Характерной чертой современной лингвистики является соединение в одном фокусе научных, философских, религиозных представлений о мире и человеке. Для того чтобы понять смыслы языка культуры, исследователи выявляют константы, состоящие из концептов. Исследование концепта как содержательной единицы картины мира, анализ взаимодействия лингвально-ментальных образований (см. Прохорова Ю.Е., Степанов Ю.С., Стернин И.А. и др.) – путь к её пониманию.

© Кириллина Н.В., 2016.

«Все основополагающие концепты в современном языкознании, – как справедливо отмечает Н.В. Фоминых, – должны быть описаны бинарно: жизнь – смерть, любовь – ненависть, добро – зло и т.п.» [16, с. 178]. Вслед за современными философами считаем целесообразным рассматривать их как диалектическое единство: первое непременно предполагает второе, а второе выявляется только на фоне первого.

Для раскрытия и понимания таких доминант русской культуры, как *добро – зло, жизнь – смерть, правда – ложь, любовь – ненависть*, с нашей точки зрения, особый интерес представляет так называемая *зона пересечения* оппозиционно представленных концептов. *Зона пересечения* – это обширная диффузная зона, в которой энантиоморфные разделения единого и слияния противоположного – основа миропонимания. В современном языкознании данное явление изучено мало, хотя является не только перспективной темой исследований, но и ключом для глубинного постижения как языка, так и самой русской ментальности.

Зона пересечения, с нашей точки зрения, является не границей между концептами, находящимися в оппозиции по отношению друг к другу, а неким *энантиоморфным* образованием, сближающим и одновременно различающим полюса оппозиции. «*Энантиоморфизм* (от греч. – *enantios* противоположный и *morphe* – форма) – свойство некоторых кристаллов существовать в модификациях, являющихся зеркальными отражениями друг друга (правая и левая модификации). Энантиоморфизм возможен в кристаллах, не имеющих центра сим-

метрии, плоскостей и зеркальных осей симметрии. Пример – кварц» [13].

Термин *энантиоморфизм* в отечественное языкознание ввёл Ю.М. Лотман: «Наиболее простым и одновременно распространенным случаем соединения структурного тождества и различия является энантиоморфизм, зеркальная симметрия, при которой обе части зеркально равны, но неравны при наложении, то есть относятся друг к другу как правое и левое. Такое отношение создаёт то соотносимое различие, которое отличается и от тождества, делающего диалог бесполезным, и от несоотносимого различия, делающего его невозможным. Если диалогические коммуникации – основа смыслообразования, то энантиоморфные разделения единого и сближения различного – основа структурного соотношения частей в смыслопорождающем устройстве» [7].

Что же представляет собой, с точки зрения лингвистики, данное образование? Какими содержательными компонентами, свойствами, характеристиками обладает?

Как мы уже говорили, явление это изучено мало: *зоны пересечения* оппозиционно представленных концептов описаны в диссертациях Н.Ю. Моспановой, Н.В. Кириллиной, Е.Ю. Пономарева и др.

Обобщая данные этих исследований, анализируя языковой материал поэтических текстов, а также данных лексикографических источников, попытаемся сформулировать основные *пресуппозиции* для дальнейшего изучения данного феномена и проиллюстрируем их на примере оппозиции *добро – зло* в художественном пространстве А.А. Ахматовой: «идиостиль конкрет-

ного автора является неотъемлемой частью языкового портрета нации. Поэзия – это своего рода доступно изложенная философия; поэтов не просто слушают, им внимают» [11, с. 5].

Глобальные лингвокультурные доминанты также выбраны нами не случайно, «ибо чем важнее для человека понятие, тем шире и глубже языковое пространство, раскрывающее его... Поэтому язык ничего не придумывает, а лишь выражает глубинные смыслы бытия» [4, с. 17]. При этом важно, что «поэтическое мышление отражает сложный комплекс аксиологических ориентиров социума в тот или иной период его развития и находится в неразрывной связи с языком, так как изменения мировоззрения отражаются в том числе и на специфике отбора и употребления изобразительно-выразительных средств» [15, с. 44].

– **В центре исследуемой зоны находится человек:** его социальные отношения, моральные, этические, философские и другие феномены. «Разгадать тайну о человеке и значит разгадать тайну бытия», – писал Н. Бердяев. – «Познай самого себя и через это познаешь мир» [3, с. 86]. Сам человек дуален по своей природе, и познание мира человеком, отражение в его восприятии окружающего также двойственны. «Человек – точка пересечения двух миров. Об этом свидетельствует двойственность человеческого самосознания, проходящая через всю его историю. Человек сознаёт себя принадлежащим к двум мирам, природа его двоится, и в сознании его побеждает то одна природа, то другая. И человек с равной силой обосновывает самые противоположные самосознания, одинаково оправдывает их фактами

своей природы. Человек сознаёт своё величие и мощь и своё ничтожество и слабость, свою царственную свободу и свою рабскую зависимость, сознаёт себя образом и подобием Божиим и каплей в море природной необходимости» [3, с. 86-87]. Двойственность заложена в самой природе человека и отражена в той картине мира, которую он вербально объективирует. «Странное существо – двоящееся и двусмысленное, имеющее облик царственный и облик рабий, существо свободное и закованное, сильное и слабое, соединившее в одном бытии величие с ничтожеством, вечное с тленным» [3, с. 87].

– **Контекстуальные синонимия и антонимия являются признаками амбивалентности отношений оппозиционных образований,** поэтому **контекстуальные синонимы** относятся к репрезентантам одного из полюсов оппозиции. Например, в синонимические отношения со словами *добро*, *благо* и их производными в художественном тексте А.А. Ахматовой вступают такие слова, как *песня*: *Долгую песню, льстивая, / О славе поёт судьба* («Дал ты мне молодость трудную...»), *молитва*: *А юность была – как молитва воскресная... / Мне ли забыть её* («Вместо мудрости – опытность...»), *любовь*: *Я на солнечном восходе / Про любовь пою, / На коленях в огороде / Лебеду пою* («Песенка») и др. [6].

Контекстуальными синонимами можно считать лексемы *счастье*, *веселье* в качестве аналога понятия *добра* в значении 'состояние': *И снова чёрный масляничный вечер, / Зловещий парк, спокойный бег коня / И полный счастья и веселья ветер, / С небесных круч слетевший на меня* («Одни глядятся в ласковые взоры...»).

Слово *счастье* и в значении 'удача', 'везение', актуализируя сему 'польза', сближается со словом *добро* в материальной ипостаси концепта: *И часто случалось, что хозяйка / Хутора нового мне кивала, / Кликала издали: «Что не заходишь? / Все говорят – ты приносишь счастье». / Я отвечала: «Принесят счастье / Только подковы да новый месяц...»* («У самого моря»).

Представляется весьма интересным и значительным «переход» столь значимого для поэта понятия *счастья* из концептуального поля *добра* в поле *зла*. Ведь концепты, существующие в языке как полярные оппозиции, обладают своей спецификой: взаимообусловленностью, взаимозависимостью и, как видно из контекстов, взаимопереходом друг в друга [9].

– **Наличие контекстуальных антонимов.** Например, внутри общей оппозиции *добро – зло* в художественном пространстве стихов А.А. Ахматовой возникают частные, обусловленные контекстом и особенностями идиостиля поэта противопоставления: *зло – любовь; злость – жалость; гневный – тихий; весёлый – злой, гневливый; злость – приветливость, благосклонность: Тот день всегда необычаен. / Скрывая скуку, горечь, злость, / Поэт – приветливый хозяин, / Читатель – благосклонный гость* («Из заветной тетради. Выход книги»).

Противоположными *злу, злости, злобе* являются оппозицы с так называемой пассивной валентностью: *спокойствие, робость, кротость, терпение* и др.: *Будешь жить, не зная лиха, / Править и судить, / Со своей подругой тихой / Сыновей растить* («Будешь жить, не зная лиха...»); *Верно, мало для счастья надо / Тем, кто нежен и лю-*

бит светло, / Что ни ревность, гнев, ни досада, / Молодое не тронут чело. / Тихий, тихий, и ласки не просит, / Только долго глядит на меня. / И с улыбкой блаженной выносит / Страшный бред моего забытья («Целый год ты со мной неразлучен...»).

– **Наличие лиминальных образований,** совмещающих в себе признаки обоих полюсов оппозиции (чаще всего именуемых в научной литературе концептами-оппозитами), а именно: энантиосемичные лексемы, фраземы и т. д., пограничные семантические пространства: так *добро* вступает в оппозицию, например, с понятиями *жизнь, судьба, счастье* и т. д., которые, являясь одновременно репрезентантами концепта *добро*, выступают порой на стороне *зла*: *Загорелись иглы венчика / Вкруг безоблачного лба. / Ах! Улыбчивого птенчика / Подарила мне судьба.* («Загорелись иглы венчика...»); и в то же время незадачливость судьбы и враждебность мира раскрывается в следующем контексте: *Я обманут моей унылой, переменчивой, злой судьбой* («Песня последней встречи»). Или: *Радостно и ясно / Завтра будет утро, / Эта жизнь прекрасна, / Сердце, будь же мудро* («Дверь полуоткрыта...»). А в другом стихотворении: *Я пью за разорённый дом, / За злую жизнь мою, / За одиночество вдвоём / И за тебя я пью* («Тост»).

Счастье может стать репрезентантом *зла*, актуализируя его имплицитные свойства, например являясь причиной негативных последствий. В таких случаях сфера концепта *добро* снова пересекается со сферой концепта *зло* в периферийной его части: *Всё глядеть на смуглые главы / Херсонесского храма с крыльца / И не знать,*

что от *счастья* и *славы* / *Безнадёжно дряхлеют сердца* («Вижу выцветший флаг над таможенной...»).

Ярчайшим представителем концепта *добро* в языке лирики А.А. Ахматовой является слово *веселье*. Одно из значений «то, что доставляет удовольствие, счастье» используется поэтом довольно часто: *Как белый камень в глубине колодца, / Лежит во мне одно воспоминанье. / Я не могу и не хочу бороться: / Оно – веселье и оно – страдание* («Как белый камень в глубине колодца...»). Таким образом, воспоминание, приносящее «счастье», является также источником «страдания», употребление данных лексем в одном контексте создаёт «зону пересечения» концептов *добро* – *зло*.

– Исключительную важность, по нашему мнению, имеет наличие **эмерджентных структур**. Эмерджентные свойства – **свойства целостности системы**, т.е. не присущие составляющим её элементам, рассматриваемым отдельно, вне системы [16]. Примером эмерджентных структур в языке могут служить оксюморонные образования. Например, А.А. Ахматова не только передаёт с их помощью противоречивость самого объекта описания, но и даёт ему оценку (иногда также весьма противоречивую) с точки зрения базовых этических категорий – *добра* и *зла*: *Твоя свирель над тихим миром пела, / И голос смерти тайно вторил ей, / А я, безвольная, томилась и пьянела / От сладостной жестокости твоей...* («Твоя свирель над тихим миром пела...»).

Сложное «комбинированное» значение рождается в сочетании слов *сладостная*, то есть «в высшей степени приятная» и *жестокость* – «безжалост-

ность, беспощадность», что говорит о приятии всего, что связано с любимым человеком, даже если он причиняет боль и страдания. В результате подобного синтеза значений возникает дополнительный, имплицитно выраженный, «не озвученный» автором смысл, как бы второй план содержания. Те же семантические «наслоения» можно наблюдать и в следующем контексте: *Взлетевших рук излом больной, / В глазах улыбка испугленья, / Я не могла бы стать иной / Пред горьким часом наслажденья...* («Надпись на неоконченном портрете»).

Существительное *улыбка* трактуется в словаре русского языка как «движение мышц лица (губ, глаз), показывающее расположение к смеху, выражающее привет, удовольствие, насмешку и т. п.» [8, т. 4, с. 488]. В данном случае оно несколько меняет свою семантику, сочетаясь со словом *испугленья*, отражая растерянность и в то же время силу и глубину пережитого человеком потрясения.

Примечательно, что слова, входящие в оксюморонные образования, чаще всего сохраняют свои лексические значения. В результате синтеза, «сплава» этих значений происходит смысловое усложнение и обновление семантики языковых единиц: *Таинственной невстречи / Пустынны торжества, / Несказанные речи, / Безмолвные слова* («Первая песенка»).

Здесь определения *несказанные*, *безмолвные* усложняют смысловую структуру слов *речи*, *слова*: *несказанные речи* – внутренняя речь индивида, который в силу определённых причин её не озвучил; то же следует сказать о *безмолвных словах* – слова, оставленные за кадром речевого акта.

Оксюморонное образование в художественном тексте часто преобразует семантику языковых единиц, его составляющих, заставляет заново осмыслить их внутреннее содержание, например, композит *встреча-разлука* состоит из носителя позитивного начала, лексемы *встреча*, и одновременно несёт в себе трагическое содержание лексемы *разлука*, которое становится доминантным в поэтическом контексте: *Мы были с тобою в таинственной мгле, / Как будто бы шли по ничейной земле, / Но месяц алмазной фелукой / Вдруг выплыл над встречей-разлукой...* (Из цикла «Ташкентские страницы»).

Сложность и многогранность поэтического мира А.А. Ахматовой, «неоднозначность» её чувств и оценок наблюдаем в следующем контексте: *Без котомки, без ребёнка, / Даже без клюки, / Был со мной лишь голос звонкий / Ласковой тоски* («Справа Днепр, а слева клёны...»). Одно из значений лексемы *ласковый* – ‘доставляющий приятное ощущение; нежащий, ласкающий’ [8, т. 2, с. 165] не вступает в противоречие со словом *тоска* – ‘тяжёлое гнетущее чувство, душевная тревога’ [8, т. 4, с. 389], а образует новое сложное, «синтетическое» значение, выражающее одновременно смятение и спокойствие, привычное, а потому не тревожащее душевное томление.

Эмоциональная острота оксюморонных образований придаёт всему поэтическому тексту яркость, содержательная алогичность делает его легко запоминающимся. Эмоции, являясь субъективным основанием оценки, определяют синергичный характер созданного поэтом образа. Например, лексема *пытка*, столь часто встречаю-

щаяся в стихах А.А. Ахматовой (и не только в составе оксюморонных образований) является репрезентантом концепта зло, реализуя сему ‘мучение, терзание’: *Им бы этот же вылить напиток / В их невинно клеветящий рот, / Этим мылым любителям пыток, / Знатокам в производстве сирот* («Из заветной тетради. Защитники Сталина»). Наречие *невинно* и прилагательное *мылый* в качестве синтагматических партнёров намеренно используется автором с лексемой *сироты* (наиболее органично с ними сочетающееся), но определяют слова *клеветящий* и *любители пыток*, усиливая и без того отрицательную коннотацию. Усиление пейоративной функции происходит благодаря слиянию взаимоисключающих значений в рамках одного контекста.

Доля матери – светлая пытка, / Я достойна её не была. / В белый рай растворилась калитка, / Магдалина сыночка взяла («Где, высокая, твой цыганёнок...»). Слово *пытка* в сочетании с прилагательным *светлая* в значении ‘прекрасный, высокий’ [8, т. 4, с. 47] отчасти утрачивает пейоративное значение, приобретая обновлённую семантику: ‘благородная, приносящая радость и счастье, хотя и трудная при этом материнская доля’. Таким образом, являясь средством эпитетации, прилагательное *светлая* участвует в создании нового, в данном случае окказионального, смысла.

И в следующем контексте, который сам транслирует авторскую оценку (слова: *тюрьма, могила*, а также словосочетание *сумасшедший дом* усиливают отрицательную коннотацию, являясь ярчайшими репрезентантами концепта зло), лексема *пытка* претер-

певаёт изменения семантики: *И знала я, что заплачу сторицей / В тюрьме, в могиле, в сумасшедшем доме, / Везде, где просыпаться надлежит / Таким, как я, – но длилась **пытка счастьем*** («Северные элегии. О десятых годах»). Признаковый показатель *пытки* репрезентируется также формой родительного падежа имени существительного, с которым существительное *пытка* находится в подчинительной связи. Сочетание слова *пытка* с существительным *счастье*, отражая внутренние переживания лирической героини, связанные с осознанием «греховности» того, что приносит ей ‘чувство глубокого довольства и радости’ [8, т. 4, с. 320], создаёт необходимую завершённость негативного образа.

Несоответствие внутренних нравственных установок автора и жизненных реалий отражается в оксюморонных сочетаниях, включающих в свой состав не только лексему *счастье*, но и такие слова, как *радость*, *веселье*, *улада*: *Как сияло там и пело / Нашей встречи чудо, / Я вернуться не хотела / Никуда оттуда / **Горькой** было мне **уладой** / **Счастье** вместо долга, / Говорила с кем не надо, / Говорила долго* («Другая песенка»).

Для человека высоконравственного счастье не становится ‘чувством глубокого довольства и радости’, если оно идёт вразрез с исполнением долга, а становится *горькой уладой*, доставляющей лишь муки совести.

Подобное тяжёлое чувство, вызванное глубоким переживанием, страданием, отражено в следующем контексте: *И поёт, поёт **постылый** / Бубенец нижегородский / Незатейливую песню / О моём **веселье горьком*** («Столько раз я проклинала...»). Ис-

пользование в контекстуальном ореоле прилагательного *постылый* с ярко выраженной экспрессивной окраской усиливает отрицательную коннотацию сочетания семантически контрастных единиц *горькое* и *веселье*.

Оксюморон в языке лирики А.А. Ахматовой иногда носит скрытый, имплицитный характер, трансформируя семантическое значение неявно – на уровне ощущений, интуиции: *Пусть он не хочет глаз моих, / Пророческих и неизменных. / Всю жизнь ловить он будет стих, / **Молитву губ моих надменных*** («О, это был прохладный день...»). Истинная молитва для христианки Ахматовой может быть связана с покаянием, смирением, но никак не с «надменностью». Данное несоответствие вскрывает глубинные противоречия в душе лирической героини, да и самой Анны Ахматовой – хоть и истинно верующей, но всё же земной женщины, порой одолеваемой страстями и внутренней борьбой. За противоречивостью объединения лексических компонентов стоит антимичность не только и не столько поэтического образа, сколько самого авторского сознания.

Таким образом, оксюморон в языковом пространстве лирики А.А. Ахматовой передаёт смысловые нюансы явлений, чувств, отношений, порой парадоксальных по своей сути, в которых сливаются два противоположных начала: *добро* и *зло*. Из взаимоисключающих друг друга понятий рождается некая универсалия, которая не относится ни к одному из полюсов оппозиции *добро* – *зло*, но при этом имеет прямое отношение к их единству, что и является **эмерджентным свойством** целостной структуры.

– Важным показателем **амбивалентности отношений оппозиционных образований** является наличие внутри её системы лексем с **энантиемией** (внутрисловной антонимией). Например, в словаре В.И. Даля отмечается, что особенностью дериватов с корнем *добр-* является наличие противоположного значения: «*Добрый человек* – хвала двусмысленная: не видно, есть ли воля и ум. *От добрых людей мир погибает, от потворищиков*»; «*Добровище ср.* пепелище, пожараще, остатки и признаки погибшего добра, имущества; затонувшее судно, побитый градом хлеб и пр.» [5, с. 444]. В поэтических текстах А.А. Ахматовой подобных примеров не зафиксировано, что объясняется достаточно редким употреблением слов с корнем *добр-*.

Безусловно, список признаков, характеризующих энантиоморфное образование может быть расширен,

уточнен. Но само существование *зоны пересечения* концептов-оппозитов даёт основание рассматривать их как некое единое целое, так как именно в этой зоне рождается то бесконечное многообразие понятий, смыслов, образов и т. п., которое вербально актуализируется, прежде всего, в художественной среде (как в поэтическом, так и в прозаическом дискурсах), сплетая в нерасторжимое единство культурно-исторические, философские, религиозные и пр. слои концепта. Больше того, рассматривать концепты-оппозиты следует не как несовместимое, асимметричное противопоставление, состоящее из взаимоисключающих, полярных или разноплановых единиц, а как целостное, нерасторжимое диалектико-полифоническое взаимодействие компонентов единой системы, создающее новое (не названное пока в лингвистике) лингвально-ментальное образование.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахматова А. Сочинения в 2-х т. / Сост. и подгот. текста М.М. Кралина. М.: Правда, 1990.
2. Бердяев Н.А. О назначении человека (Опыт парадоксальной этики). М., 1993. 253 с.
3. Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. Париж, ИМКА-ПРЕСС, 1985. 238 с.
4. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002. 336 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М., 1999.
6. Кириллина Н.В. Синонимические отношения в художественном тексте (на материале поэзии А.А. Ахматовой) // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: субъективность, экспрессивность, эмоциональность: Межвузовский сборник научных трудов. М.: МГОУ, 2009. С. 128-132.
7. Лотман Ю.М. О семиосфере [Электронный ресурс]. URL: <http://semiotics.ru/sphere/semiosphere.html>
8. МАС. Словарь русского языка. В 4-х т. М., 1985-1988.
9. Моспанова Н.Ю. Концептуальная оппозиция «ДОБРО – ЗЛО» в фольклорной языковой картине мира (на материале русских народных сказок): дисс. ... канд. филол. наук. Брянск, 2005.
10. Обухова О.Я. Москва Анны Ахматовой // Лотмановский сборник. № 2. М., 1997. С. 695-702.

11. Палеха Е.С. Концепт *добро* в языке поэзии Серебряного века: дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2007. 208 с.
12. Пономарева Е.Ю. Концептуальная оппозиция «Жизнь – Смерть» в поэтическом дискурсе (на материале поэзии Д. Томаса и В. Брюсова): дисс. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2008.
13. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. 2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.profi.ua/dictionary>. (дата обращения 20.02.2016).
14. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://tolsklovar.ru/ie1572.html>. (дата обращения: 20.02.2016).
15. Фадеева Т.М. Сложный эпитет как отражение эволюции художественного сознания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2013. № 6. С. 44-49.
16. Фоминых Н.В. Концепт, концептор и художественный текст // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 176-179.
17. Экологический словарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ecolog/> (дата обращения: 22.02.2016)

REFERENCES

1. Akhmatova A. Sochineniya v 2-kh t. [Works in 2 vols.]. M., Pravda, 1990.
2. Berdyayev N.A. O naznachenii cheloveka (Opyt paradoksal'noi etiki) [On the destiny of man (the experience of paradoxical ethics)]. M., 1993. 253 p.
3. Berdyayev N.A. Smysl tvorchestva: Opyt opravdaniya cheloveka [The meaning of creativity: Experience of justification of man]. Paris, YMCA-PRESS, 1985. 238 p.
4. Vendina T.I. Srednevekovyi chelovek v zerkale staroslavjanskogo yazyka [The medieval man in the mirror of the old Slavonic language]. M., Indrik, 2002. 336 p.
5. Dal' V.I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4-kh t. [Explanatory dictionary of the living great Russian language. In 4 vols]. M., 1999.
6. Kirillina N.V. Sinonimicheskie otnosheniya v khudozhestvennom tekste (na materiale poezii A.A. Akhmatovoi) [Synonymic relations in the art text (on a material of poetry of A. Akhmatova)] // Ratsional'noe i emotsional'noe v yazyke i rechi: sub»ektivnost', ekspressivnost', emotsional'nost': Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov [The rational and the emotional in language and speech: subjectivity, expressivity, emotion: interuniversity collection of scientific papers]. M., MGOU, 2009. pp. 128–132.
7. Lotman YU.M. O semiosfere [Elektronnyi resurs]. [On universe of the mind [E-source]]. URL: <http://semiotics.ru/sphere/semiosphere.html>
8. MAS. Slovar' russkogo yazyka. V 4-kh t [SAD. Dictionary of the Russian language. In 4 vols]. M., 1985–1988.
9. Mospanova N.YU. Kontseptual'naya oppozitsiya «DOBRO – ZLO» v fol'klornoj yazykovoi kartine mira (na materiale russkikh narodnykh skazok): diss. ... kand. filol. nauk [The conceptual opposition of «GOOD – EVIL» in the folklore language picture of the world (on the material of Russian folk tales): thesis of candidate of Philological sciences]. 2005.
10. Obukhova O.YA. Moskva Anny Akhmatovoi [Moscow of Anna Akhmatova] // Lotmanovskii sbornik. 1997. no. 2. pp. 695–702.
11. Palekha E.S. Kontsept dobro v yazyke poezii Serebryanogo veka: diss. ... kand. filol. nauk [The concept of good in the language of poetry: thesis of candidate of Philological sciences]. Kazan, 2007. 208 p.
12. Ponomareva E.YU. Kontseptual'naya oppozitsiya «ZHizn' – Smert'» v poeticheskom diskurse (na materiale poezii D. Tomasa i V. Bryusova): diss. ... kand. filol. nauk [The conceptual

- opposition of «Life – Death» in the poetic discourse (on the material of poetry D. Thomas and V. Bryusov): thesis of candidate of Philological sciences]. М., 2008.
13. Komlev N.G. Slovar' inostrannykh slov. 2006 [Elektronnyi resurs]. [Dictionary of foreign words. 2006 [E-source]]. URL: <http://www.profi.ua/dictionary>. (request date 20.02.2016)
 14. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. [Elektronnyi resurs]. [Explanatory dictionary of the Russian language [E-source]]. URL: <http://tolkslovar.ru/ie1572.html>. (request date 20.02.2016)
 15. Fadeeva T.M. Slozhnyi epiteta kak otrazhenie evolyutsii khudozhestvennogo soznaniya [Complex epithet as a reflection of the evolution of artistic consciousness] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2013. no. 6. pp. 44–49.
 16. Fominykh N.V. Kontsept, kontseptor i khudozhestvennyi tekst [Concept, conceptor and artistic text] // Metodologicheskie problemy kognitivnoi lingvistiki [Methodological problems of cognitive linguistics]. Voronezh, 2001. pp. 176–179.
 17. Ekologicheskii slovar' [Elektronnyi resurs]. [Environmental dictionary [E-source]]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ecolog/> (request date 22.02.2016)
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кириллина Надежда Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: aliskir@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda Kirillina – candidate of Philological Sciences, associate Professor of the Department of Slavic Philology at the Moscow State Region University;
e-mail: aliskir@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Кириллина Н.В. К вопросу об энантиоморфизме как сущностном качестве концептуальных оппозиций // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 32–41.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-32-41

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

N. Kirillina. On the question about enantiomorphism as essential quality of conceptual oppositions // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian Philology. 2016. no. 4. pp. 32–41.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-32-41